

КРИТИЧЕСКИЕ РАЗБОРЫ СТАРЫХ ПЕРЕВОДОВ

АЛЕКСЕЙ КОНСТАНТИНОВИЧ ТОЛСТОЙ

Приведём всего лишь один пример перевода из А. К. Толстого, принадлежащий достаточно грамотной и «плодовитой» уже известной нам английской переводчице Эврил Пайман, кстати, известной на Западе как исследовательница русского символизма XX века. **«То было раннею весной»** – это произведение хрестоматийное, в котором не должен быть извращён ни единый штрих.

То было раннею весной,
Трава едва всходила,
Ручьи текли, не парил зной,
И зелень рощ сквозила;

It happened in the early spring,
The grass was scarcely seen,
Streams babbled, heat had not set in,
The trees but touched with green;

Труба пастушья поутру
Ещё не пела звонко,
И в завитках ещё в бору
Был папоротник тонкий.

The shepherd's horn to greet the dawn
Did not yet ring out early,
And in the pine forests the fern
Was tender still and curly.

То было раннею весной,
В тени берёз то было,
Когда с улыбкой предо мной
Ты очи опустила.

It happened in the early spring,
And underneath the birch-tree
That, with a smile most promising,
You sank your eyes before me.

То на любовь мою в ответ
Ты опустила вежды –
О жизнь! о лес! о солнца свет!
О юность! о надежды!

It was in a answer to my love
You let your lashes drop –
O life! O woods! O sun above!
O youth! O sweetest hope!

И плакал я перед тобой,
На лик твой глядя милый, –
То было раннею весной,
В тени берёз то было!

One look at your sweet face would bring
The first tears flowing freely ...
It happened in the early spring,
And underneath the birch-tree.

То было в утро наших лет –
О счастье! о слёзы!
О лес! о жизнь! о солнца свет!
О свежий дух берёзы!

It happened in our morning-time.
What bliss, what grief immersed me!
O life! O woods! O sweet susthine!
O fresh scent of the birch-tree!

Возьмём самую 1-ю строку из предложенного перевода: “*It happened in the early spring*” («*Это случилось раннею весной*»).

Что же тут случилось? Двое любящих стоят в тени берёз ранней весной. Что же могло «случиться» под весенними берёзками? Может быть, кто-то сошёл с ума от счастья? Или ноги промочил, случайно ступив в талую воду?

Такая же загадка – в последней строфе стихотворения, где, помимо того, что «случилось», есть ещё один очаровательный штрих: “*It happened in our morning-time // What bliss, what grief immersed me!*” (дословно «*Это случилось в нашей юности, // Какое блаженство, какая скорбь охватила меня!*»).

В глазах счастливого юноши стоят слёзы. У Эврил Пайман, помимо “bliss” («блаженства»), фигурирует “grief” («скорбь»). Вот те на! Какая-токая скорбь у человека, смотрящего в лицо любимой девушке? Увлёкшись материалом, переводчица забыла, что человек может плакать не только от скорби (её НЕТ у А. К. Толстого!), но и от *счастья* (оно только и ЕСТЬ!). Читатель встаёт словно перед загадкой сфинкса.

Обратите внимание: во 2-м четверостишии оригинала есть строки: «Когда с улыбкой предо мной // Ты очи опустила», да и у девушки в этом месте перевода стоит “with a smile most promising” (то есть «с многообещающей улыбкой»). Спрашивается, если милая и любимая девушка улыбается «в высшей степени многообещающе», то с какой стати герой стихотворения охвачен «скорбью»? Что за непостижимая нелепость!

— * * * —